

УДК 316.74:1

МЕСТО ТЕХНОЛОГИИ В ПРОЦЕССАХ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ

Антипов А.С.*ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный технический университет»,
Ульяновск, e-mail: rector@ulstu.ru*

В представленной статье рассматривается на базе методологии социальной феноменологии и социологии знания феномен социальных технологий и его презентирование в поле различных дискурсов социальной практики. Выявляется конструктивистская природа данного феномена в его влиянии на смещение и институционализацию социальных значений и конституирование смысловых подуниверсумов социальной тотальности. Проводится краткий анализ формирования понятия «социальная технология», выявляется место технологии в процессах социального конструирования, а также рассматриваются структурные компоненты социально-технологического воздействия. Осмысливается влияние социальных технологий на сущность, содержание и имманентные характеристики опыта повседневности, в том числе intersubjective взаимодействия. Раскрывается влияние социальных технологий на процессы легитимации и подтверждения институционального порядка, типов социализации через механизмы устойчивой интернализации.

Ключевые слова: дискурс, интерпретация, intersubjectивность, конституирование, конструктивизм, повседневность, социология знания, социальная реальность, социальные технологии, структурирование

THE PLACE OF TECHNOLOGY IN THE SOCIAL DESIGNING PROCESSES

Antipov A.S.*FSBEI HPE «Ulyanovsk State Technical University», Ulyanovsk, e-mail: rector@ulstu.ru*

The phenomenon of social technologies and its presentation in the field of various discourses of social practice on the basis of methodology of social phenomenology and knowledge sociology is considered in presented article. The constructivism nature of this phenomenon in its influence on shift and institutionalization of social values and institutionalization of semantic subuniversums of social totality is considered in the article. The short analysis of formation of the concept «social technology» is carried out, the place of technology in the processes of social designing is revealed, and structural components of social and technological influence are also considered. The influence of social technologies on essence, the contents and immanent characteristics of experience of everyday reality, including intersubjective interactions is comprehended in the article. The influence of social technologies on processes of legitimation and confirmation of an institutional order, socialization types through the mechanisms of steady internalization is revealed in the article.

Keywords: discourse, interpretation, intersubjectiveness, institutionalization, constructivism, everyday reality, sociology of knowledge, social reality, social technologies, structuring

В современную эпоху вопросы разработки эффективных социальных технологий предотвращения, смягчения и урегулирования политических, экономических, этнических и культурных конфликтов носят крайне значимый характер. С этим же связана необходимость выработки конструктивной методологии, обеспечивающей социальную стабильность и минимизацию социальных деструкций, вызванных многочисленными очагами социальной аномии микросоциального, регионального и глобального масштаба. Социально укорененный модус человеческого экзистирования и феномен социальных страхов в отношении самой вероятности деструкции системы устоявшихся социальных значений имеет имманентный, антропологический и культурно-исторический характер, что всегда актуализировало и обостряло заботу как экзистенциал в поиске возможностей бытия-в-мире и провоцировало необходимость поиска эффективных методологий социальной стабильности, развития или коллективного спасения.

Несмотря на то, что понятие «социальные технологии», его определения, а также научно-теоретические обоснования социальных технологий, исследования сущности механизмов и возможностей их прикладных манифестаций появляются только в 20 веке, сам феномен управляющих и конструирующих воздействий на общественные структуры со стороны исторически конкретных властвующих субъектов и правящих классов имманентен истории человечества с самых ранних эпох. Этому понятию предшествует другое, более общее – «технология», которое входит в тезаурус в естественных и технических науках в связи с ускорившейся промышленной индустриализацией на рубеже XVIII и XIX столетий.

К середине XX века термин «технология» утверждается во всех отраслях промышленности, а приблизительно в третьей четверти XX века термины «техника» и «технология» строго дифференцируются, что дает возможность расширить смысловой контент последней: в поле исследовательского интереса входят процессы

целенаправленного и проективного преобразования форм существования материи, в том числе и социальной. Но лишь к концу XX века появляются основательные теоретические исследования по теме социальных технологий.

В нашей стране понятие «социальная технология» вошло в употребление, в первую очередь, в управленческих науках на рубеже 70-х и 80-х XX столетия. Отечественная теория социальных технологий, разрабатывалась первоначально главным образом на базе социологии труда, промышленной социологии, социологии организаций (Ж.Т. Тощенко, И.В. Бестужев-Лада, А.А. Зворыкин, А.Г. Здравомыслов, В.Г. Подмарков, В.А. Ядов, В.Г. Афанасьев, Н.И. Лапин и др.).

С последней четверти XX века социальные технологии становятся предметом пристального изучения в социально-гуманитарных исследованиях. В начале XXI века проблемы социального управления, социального прогресса и социальной модернизации, а также социального моделирования и социального эксперимента неизбежно сопрягаются с проблематикой социальных технологий. Нас в данной работе интересуют социальные технологии с точки зрения их места в конструирующих социальную реальность процессах. Ключевое направление, в котором проблематика социальных технологий получает свое теоретико-методологическое обоснование, в данном исследовании – социальный конструктивизм и сопряженная с ним социология знания.

Социальный конструктивизм предлагает принципиально новую эпистемологию, согласно которой знание, в том числе социальное, всегда нагружено необходимостью интерпретации и представляет собой построение перцептивного, когнитивного и т.п. модусов реальности и картины мира. Кроме того, в социальном конструктивизме постулируется примат плюрализма истины, где главным критерием более или менее подлинного знания является, с одной стороны, его продуктивная пригодность и стабильная результативность в научно-теоретических исследованиях. С другой стороны, истина как социальная польза, презентруемая в поле социальной практики в качестве оптимальной и относительно стабильной системы intersubjectивных взаимодействий и устойчивых институциональных связей, являющейся следствием реализации эффективных социальных проектов. Это теоретически согласуется с установкой феноменологической социологии в исследовании самого феномена социального детерминированного знания, где делает-

ся акцент на конструировании реальности в динамичном знаниевом поле социальной тотальности, нагруженном необходимостью интерпретации и реинтерпретации социальных значений как в режиме жизненного мира и обыденного знания, так и в различных дискурсах, а ныне и в дискурсе виртуальной гиперреальности. Отметим, что производственно-конструктивная деятельность как таковая фундирована принципом реальности и внутренне ориентирована на экспансию в отношении мира и горизонта сущего.

В социальных технологиях можно выделить два аспекта. Первый – научно-когнитивный, содержащий в себе определенный уровень научно-теоретического присутствия в обосновании и в самих технологиях управления всем спектром социальных процессов и изменений. Он методологически определяет содержательную сторону средств и степень влияния на активное структурирование социальных процессов, обоснование их необходимости, легитимации, институционального оформления и т.д. В данном аспекте задана прямая зависимость между уровнем общественного прогресса и уровнем наукоемкости социальных технологий. Это означает, что характер целевого воздействия на социальный объект качественно меняется в зависимости от степени научно-теоретической проработанности и тем самым связан с необходимостью оптимального подбора и использования наиболее эффективных средств и методов конструирования системы социальных значений. Поэтому и максимальная релевантность в таком случае обеспечивается наибольшей рациональностью выбора как целей, так и механизмов конструирования.

Второй аспект – собственно конструирующе-прикладной. Это сам процесс работы социально-технологических схем, перемещенный в поле социальной практики. Он обусловлен целевой установкой и необходимостью получения конкретного, относительно устойчивого результата. При этом данный процесс сопряжен с функциями контроля, активным, корректирующим реагированием на возможные отклонения от начально заданного вектора процессов. При этом эффективность данной работы напрямую зависит от структурирования технологического воздействия на фазы, операции, процедуры, этапы и т.д.

Если в структуре технологического процесса операцию можно определить как неделимое и однородное практическое воздействие на социальный объект с целью реализации конкретной задачи в рамках отдельно взятой процедуры, то этап представляет собой относительно законченный

отрезок процесса, вносящий, как правило, качественные изменения в функционирование социального объекта [5].

Таким образом, в процессе применения социальных технологий необходимо следование нескольким имманентным процедурам, которые включают в себя определение конкретной цели, анализ объекта (характер intersубъективных взаимодействий, социальная среда значений и определений реальности, степень эффективности изменений и возможных социально-травматических последствий и т.д.), выделение по ряду критериев возможных вариантов, выбор наиболее оптимального, применение выбранного варианта, контроль за ходом работы технологического воздействия, определение и коррекция наличных отклонений, анализ и сопоставление результатов с содержательной стороной намеченной цели, оценка полученных результатов.

Поскольку дисфункциональные отклонения какой-либо процедуры или операции и деструкция вследствие этого единого процесса могут повлечь за собой как крушение самого технологически внедряемого социального проекта, так и нежелательные последствия, способные дестабилизировать наличную социальную определенность, постольку четкая последовательность процедур в рамках единого технологического процесса, так и доведение до актуальной завершенности отдельной процедуры является необходимым требованием.

Также в рамках данной последовательности предусматривается четкая элиминация побочных, не включенных в единую целевую задачу действий, закрепление отдельных действий и процедур за управляющим и контролирующим воздействием конкретных социальных акторов, алгоритмизация действий, минимизация сбоев и возможная экономия ресурсов [3].

При этом внутренняя логика развертывания технологического процесса, предусматривающая четкую координированность и поэтапность действий в направлении желаемого результата, всегда несет в себе присутствие гибкого субъектного реагирования. У субъекта всегда сохраняется возможность переформатирования единого управляемого процесса и его реструктуризацию в зависимости от актуальных результатов и последствий его внедрения в живую ткань социальных значений, взаимодействий и процессов, так как совокупность вероятностных предопределенностей не может быть просчитана и «прочитана» без погрешностей.

Существование любой социальной системы фундировано как единым и сегмен-

тированным полем социального знания, так и набором актуальных и стратегических целей, закладывающих основу для направленного ее функционирования и развития. Целевые установки задают содержательную наполненность динамичного развития и переструктуризации целостной наличной конфигурации или отдельных подсистем и смысловых сегментов социальной тотальности и вектор трансформации и воспроизводимого структурно-функционального результата. В социальной динамике одни социальные структуры, связи и блоки социального знания исчезают или превращаются в традицию. Пространство заполняется другими определениями реальности, которые, в свою очередь, обрастают своей социальной тканью, включаясь через процедуры легитимации и intersубъективные взаимодействия, в новые институциональные отношения. В этом неистощимом потоке изменений и преобразований осуществляется единство социальной тотальности как целостной системы. Роль социальных технологий в этих процессах трудно переоценить.

Социальные технологии в знаниевом поле социальной реальности задействованы в конструировании социальных значений, наполнении горизонта социального релевантными типами знания. Начиная с дискурса обыденного мышления, технологизация социальных процессов проникает в дискурс любой социальной подсистемы. Экономический, политический или культурный дискурс конструируются проективно-технологическими вторжениями в совокупность смысловых структур социальной реальности. Таким образом, социальные технологии создают механизмы легитимации и подтверждения институционального порядка, типов социализации, глубоко проникая в живую ткань общества через механизмы устойчивой интернализации.

Позиция активности субъектно-проективного характера, детерминированная необходимостью интерпретации культурных значений, собирания и конструирования институциональной, intersубъективной реальности смыслового универсума социального, в проблемном поле социальных технологий является одной из ключевых. Ей можно противопоставить позицию распознавания и пребывания в высвобожденном чистом потоке бытия в актах самотрансцендирования субъекта-созерцателя, поскольку чистое, социально не заданное экзистирование в потоке бытия само по себе не может быть захвачено и ангажировано дискурсом. Активно-субъектный характер социальных технологий всегда задан дискурсивно. Будучи исходящим из горизонта целевых

полаганий, он всегда конкретен с точки зрения погружения в горизонт феноменов определенной, уже состоявшейся социально-исторической укорененности, идет ли речь о дискурсе культурном, политическом, экономическом или дискурсе повседневности.

Направленность социальных технологий на человеческое бытие в качестве объекта, на первый взгляд, не растворяет субъектность социальных акторов, ведь сам социально-технологический дискурс, его методологически-когнитивный аспект и бытийный горизонт социальной практики – результат их произвольной активности: конструирование социальных определений реальности (переструктуризация социальных процессов, закрепление, направление, содержательная, нормативная сторона и т.д.). Это деятельность социальных акторов, научно-теоретической или административно-управленческой сфер, профессионально и институционально включенных в разработку алгоритмов социально-технологических методологий стабилизации или преодоления актуального горизонта социальных значений с целью конституирования и легитимации новых институциональных, интересубъективных т.п. манифестаций в поле социума. Эта деятельность представлена и обнаруживает себя на глобальном, континентальном, национальном, региональном и локально-местном уровне, потому декларирует себя на уровнях макро-, мезо- и микротехнологий. Однако, с другой стороны, проективный характер социальных технологий, особенно если идет речь о воздействиях, нацеленных на смещение содержания символического универсума, под которым понимается «матрица всех социально объективированных и субъективно реальных значений» [1, с. 158], способен внести серьезные изменения в содержание «субъективных реальных значений» самих субъектов технологического воздействия. Тем более что сами современные технологии имеют тенденцию к относительной эмансипации от субъекта их порождения. Это также касается феномена современных информационных технологий и их имплицитной включенности в спектр социальных технологий как таковых.

Преодоление наличной социальной определенности может иметь разные степени в зависимости от характера, целевых полаганий и самого содержания социально-технологических воздействий, идет ли речь о деструктивных, созидательно-конструктивных, традиционно-рутинных, корректирующих квазитехнологиях мягкого направляющего воздействия или инновационных технологиях. Объектом социально-техно-

логически реализуемых проектов конституирования и переструктуризации социальной реальности как правило выступает совокупность объективированных институциональных значений, характер и содержание интересубъективных взаимодействий, выраженных в первую очередь, в структуре типовых ожиданий и дефиниций обыденного мышления. Технологические воздействия, имеющие конструктивистский характер, обычно нацелены на механизмы воспроизводства и поддержания субъективных определений объективированных социальных значений с целью их смещения и наполнение новым содержанием. Такие воздействия ориентированы на систему уже интернализованных обыденных и теоретических дефиниций, этических и эстетических представлений, закрепленных культурными машинами воспроизводства и поддержания на символическом, социальном и концептуальном уровнях. Успешные результаты социально-технологических воздействий, проявленные в заполнении смысловых сегментов социальной тотальности новым содержанием, качественных сдвигах в институциональных структурах и в характере интересубъективных взаимодействий, неизбежно закрепляются в различных дискурсах, и не в последнюю очередь в правовом, который также меняется, создавая все новые виды юридических, а следовательно и социальных прецедентов.

В объекте воздействия, как правило, выделяются целевые социальные группы структурного ядра, как носителей тех социальных значений и такого социального знания, которое в зависимости от характера и целевых детерминант технологического воздействия должно быть либо сломлено и переструктурировано, либо стабилизировано и цементировано на уровне социального согласия и баланса интересов. Большое значение в технологии воздействия имеют статус и степень влияния значимых других и прочих социальных референтных субъектов (авторитетов) в их мобильной готовности выстраивать новые способы интересубъективных взаимодействий, закрепленных и воспроизводимых институционально. А это в свою очередь оказывает давление и на периферийные группы как носителей таких форм социального знания, которое может длительное время удерживать в своем поле дефиниции уже сложившихся социальных установлений и способствовать дискурсивному сопротивлению данных групп.

Поскольку социальные технологии оказывают воздействие на совокупную «номическую структуру субъективной

реальности», они затрагивают механизмы идентификации, которая сопряжена с ориентацией на поддержание связи как со значимыми другими и персоналом ресоциализации, что особенно характерно в случае «альтернативы» [Там же, с. 254] как тотального преобразования социальных установлений в субъективном восприятии.

Взамен одной структуры субъективных значений происходит усвоение другой, которая «должна стать миром индивида, отодвигающим все остальные миры, прежде всего тот из них, в котором индивид «обитал» до альтернативы» [Там же, с. 257]. Поэтому для эффективного достижения устойчивого результата социальные технологии в своем воздействии на субъективное восприятие реальности должны минимизировать травматические последствия подобных интернализаций, выраженных своеобразным переходом в горизонт новой социальной реальности и сопутствующей этому сменой критериев оценки как повседневного, так и любого общественного дискурса.

Таким образом, социальные технологии предстают в виде культурно-исторического, научно-теоретического и конструирующего феномена. Социально-технологический дискурс являет и утверждает себя через конституирующую экспансию в своем воздействии на весь спектр социальных процессов в горизонте социальной тотальности, на содержательную сторону и точки сопряжения прочих дискурсов. Легитимированный самим ходом исторического развития и научно-теоретическим прогрессом, он сам способен создавать программы социальной легитимации и переструктуризации всех структурно-функциональных, нормативно-ценностных и прочих сегментов-кластеров в поле социума, а также создает возмож-

ности для сотворения новых модусов человеческого бытия.

Список литературы

1. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания: пер. с англ. Е. Руткевича / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
2. Бондаренко А.Д. Современная технология: теория и практика. – Киев; Донецк: Вища школа, 1985. – 171 с.
3. Данакин Н.С. Конфликты и технология их предупреждения. – Белгород, 1995. – 324 с.
4. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо, 2009. – 864 с.
5. Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология. – М.: Наука, 1976. – 246 с.
6. Шюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом: пер. с нем и англ. В.Г. Николаева, С.В. Ромашко, Н.М. Смирновой. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1056 с.

References

1. Berger, P. Social construction of reality. Tractate on sociology of knowledge / P. Berger, T. Lookman / Transl. from English E. Rutkevich M.: Medium, 1995. 323 p.
2. Bondarenko A.D. Modern technology: theory and practice. Kiev; Donetsk: Visha school, 1985. 171 p.
3. Danakin N.S. Conflicts and technology of their prevention. Belgorod, 1995. 324 p.
4. Kara-Murza S.G. Manipulation of senses. M.: Eksmo, 2009. 656 p.
5. Stefanov N. Social sciences and social technology. M.: Nauka, 1976. 246 p.
6. Schyuts A. Selections. The world luminant with sense / Transl. from German and English V.G. Nikolaev, S.V. Romashko, N.M. Smirmova. M.: ROSSPEN, 2004. 1056 p.

Рецензенты:

Брысина Т.Н., д.ф.н., профессор, зав. кафедрой «Философия», Ульяновский государственный технический университет, г. Ульяновск;

Тихонов А.А., д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии, Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, г. Ульяновск.

Работа поступила в редакцию 28.07.2014.